

АЛЕКСАНДР ШИРВИНДТ

МИХАИЛ
МИШИН

АРКАДИЙ РАЙКИН

МИХАИЛ ЖВАНЦЕЦКИЙ

АНДРЕЙ МИРОНОВ

СЕМЁН АЛЬТОВ

МАРИНА НЕЁЛОВА

МИХАИЛ ГОРБАЧЁВ

ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ

ГРИГОРИЙ ГОРИН

ПОЛИНА ОСЕТИНСКАЯ

ЮРИЙ РОСТ

ЗИНОВИЙ ГЕРДТ

МИКАЭЛ ТАРИВЕРДИЕВ

КОНСТАНТИН РАЙКИН

АРКАДИЙ АРКАНОВ

МИХАИЛ КОЗАКОВ

КЛАРА НОВИКОВА

ГЕОРГИЙ ДАНЕЛИЯ

ЮЛИЙ КИМ

Персона (Аттикус)

Михаил Мишин

С кем себя и поздравляю

«Азбука»

2026

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мишин М. А.

С кем себя и поздравляю / М. А. Мишин — «Азбука»,
2026 — (Персона (Аттикус))

ISBN 978-5-389-32507-4

«Решил собрать в книжке некоторых людей, влиявших на биографию», – пишет в предисловии Михаил Мишин. Известный писатель, драматург, переводчик, лауреат многих премий в области сатиры и юмора включил в этот сборник тексты, посвящённые его знаменитым друзьям и коллегам. Среди них – Аркадий Райкин, Михаил Жванецкий, Александр Ширвиндт, Марина Неёлова, Семён Альтов, Эльдар Рязанов, Григорий Горин, Аркадий Арканов, Михаил Козаков, Зиновий Гердт, Клара Новикова, Юлий Ким. Также в книгу «С кем себя и поздравляю» вошли встречные послания, адресованные самому Михаилу Мишину. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-389-32507-4

© Мишин М. А., 2026
© Азбука, 2026

Содержание

Предисловие	6
Ленинград	7
Аркадий Райкин	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Михаил Мишин

С кем себя и поздравляю

В книге использованы фотографии Юрия Роста, Дмитрия Чунтула и из личного архива автора

© Михаил Мишин, текст, фото, состав, 2026

© Качкаев А., фотография на обложке, 2026

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Колибри[®]

Предисловие

Путь пролегает не в пустыне.

Родился – вокруг люди.

С первой секунды – движение среди других. Видишь их, слышишь, касаешься. Соединяешься, убегаешь, возвращаешься, догоняешь. Каждая встреча влияет, каждое касание шлифует, каждое столкновение оставляет след. Можешь не сознавать, можешь не признавать, но тобой тебя делают другие.

Моя биография рассказывается за десять минут. За пятнадцать – со сносками и примечаниями. На двадцатой минуте припомню лучшее – то есть чего не было. На двадцать пятой жизнеописание может обратиться в некролог.

Пока этого не произошло, решил собрать в книжке некоторых людей, влиявших на биографию. Имена одних известны городу и миру, других – только городу. С кем-то жизнь соединяла плотно и надолго, с кем-то мимолётно.

Содержание книжки – благодарность им всем.

Форма благодарности – приветствия, посвящения и здравицы. Поводы случались всякие – вручение награды, премьеры, юбилей. А иногда повода не требовалось.

К одним я обращался единожды, к другим – по несколько раз.

Кому-то мог бросить восхищение в лицо.

Кому-то отправлял почтой.

Для кого-то оно становилось уже прощальным поклоном.

Тексты, посвящённые разным людям, сочинялись в разные эпохи. В античности писал их авторучкой, в средневековье – на пишущей машинке и вдруг очутился в будущем, где их придумывает компьютер, а читает нейросеть. Время не оставалось безучастным – меняло характеры, отношения, взгляды. Но ни в одном тексте не изменил ни слова.

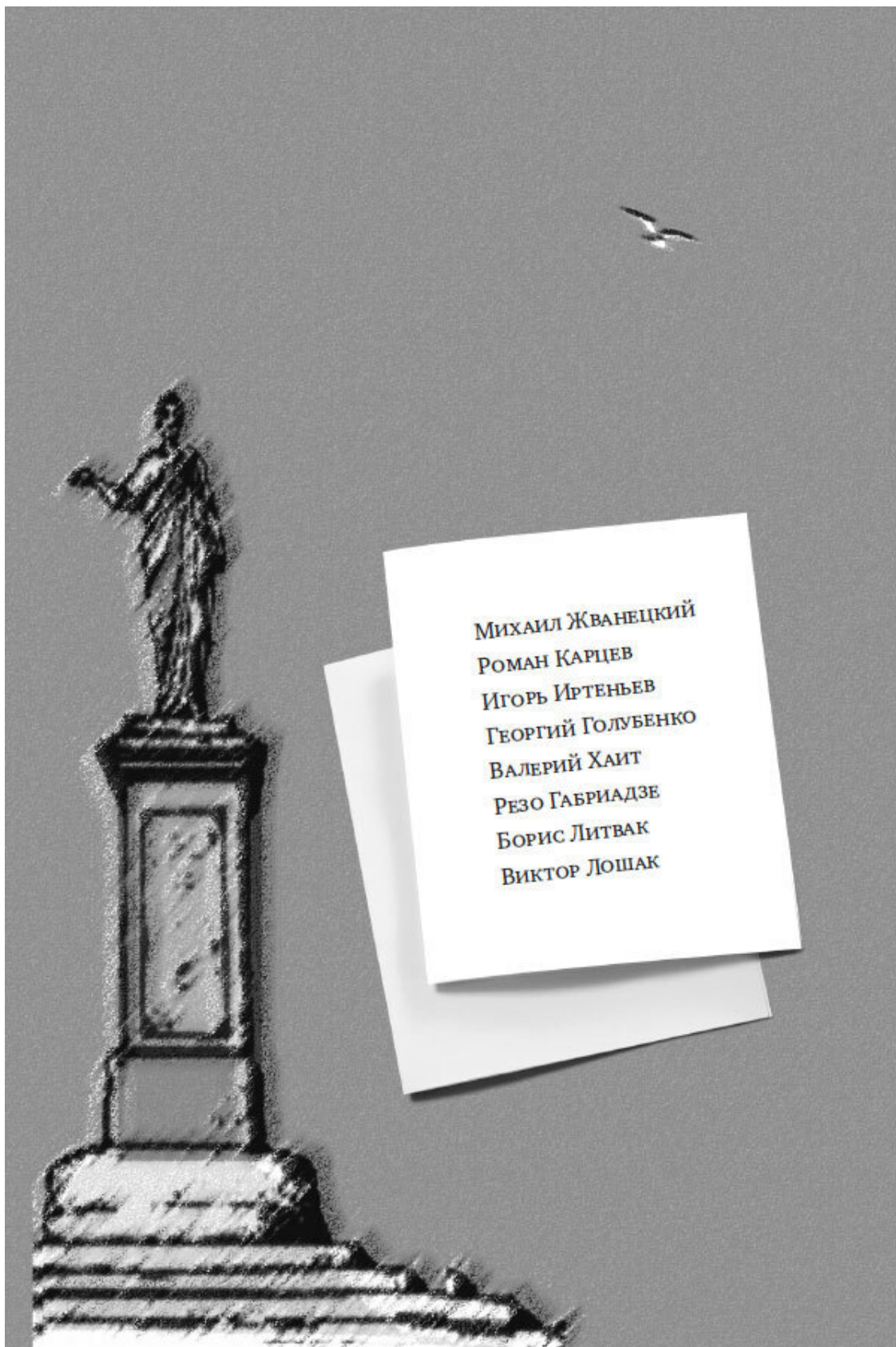
Были сомнения, включать ли в книжку встречные послания – мне от тех, о ком писал я. Посомневался – и включил. Не только потому, что эти послания тешат моё самолюбие – ещё бы! – но и потому, что они высвечивают благосклонную снисходительность их авторов.

Тексты для порядка разложил географически – по местам встреч с героями книжки. Разделение, впрочем, условное. А безусловно то, что каждая такая встреча была и остаётся подтверждением моей неслыханной везучести.

С чем – а точнее с кем – себя и поздравляю.

Ленинград

Город, где всё случилось впервые.

Первая – а значит, лучшая – половина жизни.

Первая школа, первый поцелуй, первая зарплата.

Первые сочинённые строчки, первые опубликованные.

Первое выступление. Первый автограф – расписался на подсунутой бумажке, восхищённый собственным величием.

Первая книжка. Первый звонок с «Ленфильма». Первая встреча с Райкиным.

Первое помнится долго.

Аркадий Райкин

Неумное дело – быть ещё одним «воспоминальщиком».

Тысячи знали его больше.

Сотни – лучше.

Не повториться, говоря о нём, невозможно. Восторженных эпитетов у меня не больше, чем у других. Но трудно и промолчать. Сколько, в конце концов, на нормального человека приходится встреч с гениями?

При личном знакомстве больше всего поразило, что он – есть. Оказалось, Аркадий Райкин – это не только где-то там, за облаками, в вышине, в телевизоре... Живой, оказывается. Сидит на стуле, переодевается, кушает ломтик очищенного яблока, смеётся тихонько. Вообще хохочущим его не помню. Чаще улыбался.

Артистизм определить невозможно. Бывают неартистичные артисты. Бывают артистичные неартисты. Он был августейшим воплощением артистизма. Его хотелось фотографировать в каждый данный момент времени. Говорят, у японцев есть такая приправа – у этих японцев всё есть, – которая делает вкус курицы ещё «более куриным», вкус рыбы – ещё «более рыбным» и тому подобное. Вот в нём самом как бы была эта приправа. Он, казалось, сам себе постоянно подыгрывает. Если он уставал, перед вами был не просто усталый человек, нет, перед вами была картина «Усталость». Если он сердился – это было какое-то уже абсолютное негодование. Когда же он был грустен... О, вы видели саму Грусть, печально грустящую своими невыразимо грустными глазами...

Как-то в начале нашего знакомства он позвонил поздно вечером, около двенадцати. (Вообще, это льстило. «Тут мне вчера Райкин звонил...» Знакомые немели.)

– Вы ночная птица? – печально спросил он. – Вы сова или жаворонок?

– Сова, – ориентируясь на его интонацию, соврал я.

– Может быть, вы сейчас ко мне приедете? – ещё печальнее сказал он. – Если вам не трудно...

«Трудно!»

Мчусь к нему на Кировский.

Встретил слабой улыбкой. Посадил напротив себя за маленький столик. И вздохнул так печально, что у меня защипало в носу.

– Мишенька, – очень тихо сказал он, – боюсь, спектакль, который мы задумали («Его Величество Театр»), будет мой последний...

И скорбно умолк.

Я чуть не всхлипывал.

– Да-да, – произнёс он с печальнейшим в мире вздохом. – И поэтому я надеюсь, мы с вами сделаем его таким, что нам не будет стыдно.

«Мы с вами!» Он – со мной!.. Господи, да всё ему отдать! Душу! Кровь! Мозг! Немедля!..

Да-да, он чувствует, что только я один в целом свете сумею написать достойное вступительное слово к новому спектаклю... Другие авторы, конечно, не без способностей, но только моё перо...

Домой я летел на крыльях совы и жаворонка одновременно. Я сознавал свою историческую миссию. «Только вы», – сказал он.

Я тогда очень старался. «Только вы».

Через неделю я узнал, что такой же разговор у него состоялся ещё с одним... И ещё с другим... Им он тоже печально сказал: «Только вы».

Зато он получил три полновесных вступительных монолога к новому спектаклю и сам скомпоновал из них один.

От кого ещё можно было стерпеть такое?

Но эти грустные глаза...

Он был влюбчив и внушаем. Влюблялся в нового автора, в артиста, в художницу, в критикессу, в режиссёра. Ещё чаще – в собственные идеи.

Как-то пришли в театр показываться два молодых артиста. Близнецы. Райкин в них немедленно влюбился, его ужасно радовало, что они так похожи. Видимо, в голове у него возникли какие-нибудь виндзорские проказницы. Сейчас же близнецов приняли в труппу. Первые дни Райкин только о них и говорил. «Надо что-то с ними придумать, они же так похожи». Потом понемногу перестал говорить. Вскоре уже не знал, что с ними делать. Их пытались куда-то вводить, наряжали в какие-то костюмы, давали им какие-то реплики, всё это было нелепо и никому не нужно. И вот они его уже раздражали, безвинные близнецы. К счастью – для него, конечно, – их забрали в армию. Больше он о них не вспоминал.

Вообще, жизнь его актёров была непростая. С одной стороны, огромная удача – работать в театре, который обречён на успех. С другой – сознавать, что ты – лампа, пусть даже и яркая, когда рядом с тобой этот прожектор... Слабые скисали, сильные приспособлялись. Самые сильные уходили.

Поразительно, но он был ревнив к чужому успеху. Ревновал, стоя за кулисами, когда артисты его собственного театра заставляли смеяться зрительный зал. Великий! Уникальный! Он! Райкин!..

А вот ревновал.

Ревновал даже к молодёжному спектаклю «Лица».

То был первый в истории театра спектакль без его участия. Конечно, он хотел, чтобы всё получилось, – это был его театр, это были его актёры, его сын, наконец, в главной роли. Но примириться с тем, что он не появится на сцене... Надо бы придумать, стал говорить он мне, чтобы он, Аркадий Райкин, хотя бы раз вышел с монологом где-нибудь в начале. Или в середине. Или в конце. Резко отвергать эту идею мы все – и я, и Валерий Фокин, который ставил спектакль, и Костя – боялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.